

СМЕЯЛСЯ ЛИ ХРИСТОС?

*«- Ты-то безбожник? Нет, ты – не безбожник,-
степенно ответил старик... ты – человек веселый.- А кто
веселый, тот уже не безбожник? – иронически
заметил доктор.- Это в своем роде – мысль,- заметил
Версилов, но совсем не смеясь»
Ф. Достоевский «Подросток».*

Вполне уважаемые авторитеты на этот вопрос давали однозначно отрицательный ответ, создав, начав от Тертуллиана и подтвердив выражением автора знаменитого полотна «Явление Мессии» А.Иванова «Христос никогда не смеялся», агеластическую традицию относительно учителя христианства. Подобной точки зрения придерживался и В.Розанов, повторивший почти буквально выражение художника.

Это убеждение связано с рядом обстоятельств. Исторически оно задано в первую очередь раннехристианской романо-византийской литературной традицией, подкрепленной желанием подчеркнуть особость Христа, «выделенность» его из мира. Вторых, и Иванов, и Розанов опирались на русские канонические евангельские тексты, и вполне естественно, что при переводе, как это часто бывает, смеховое зерно осталось нераспознанным, ибо природа смеха труднее всего передается языковой ретрансляцией «чужого» текста.. То, что представляется смешным для американца или англичанина, оставляет в недоумении человека славянской или восточной культуры и наоборот. В данном случае вступает в силу закон непонимания смехового ядра вербальной структуры при ее передаче посредством перевода с языка на язык.

При этом все перечисленные персоналии упускали из виду одно важное обстоятельство: Иисус в течение долгого периода *играл* роль человека со всеми присущими человеческой личности измерениями, включая и чувство юмора. И еще: он – фигура медиаторная, прокладывающая вектор с земли на небо, связующая миры, тот и этот. А медиаторный персонаж неизменно ассоциируется со смеховым миром. Он балансирует между жизнью и смертью, и его зыбкое положение между мирами неизбежно соединяет в нем черты культурного героя и трикстера одновременно. Трикстер же немислим вне смехового мира, как, впрочем, и пророк. Смехотворность последнего заключается в том, что его никто не воспринимает всерьез. Он – фигура, сродная шуту, юродствующему и, конечно же, медиатору, поскольку находится на границе серьезного и смешного. Немногие, включая и апостолов, воспринимали Христа всерьез, недаром он столь часто гневно обличал своих приближенных учеников в недостатке веры. Так, при утверждении, что дочь начальника не умерла, но спит, неверчивые земляки «смеялись над Ним» (Мф.9,24). Причем, и это важно, насмешки подобного свойства отнюдь не выводили Христа из себя. Он понимал, что аутентичное его восприятие народом невозможно. Скептически-насмешливым отношением толпы к пророку можно объяснить и публичное осмеяние Иисуса, заключавшееся в обряжении его в шутовские одежды: «И, сплетши венец из терна, возложили Ему на голову и дали Ему в правую руку трость; и становясь пред Ним на колени, насмехались над ним...» В данном эпизоде “учитель христианства” выступил в главной роли в пародийно-издевательской игре, причиной которой стали не только животные инстинкты толпы, но и привычное отношение ее к тем, кто пытается ее учить чему-либо. Трагедия тут, как часто случается в истории, разворачивается в форме фарса. Как не вспомнить Пушкина с его выводом, что для народа казнь является зрелищем. Кстати, «венец тернов» надетый на чело костромского протопопа Даниила, никонианами, упоминает в своем «Житии» Аввакум. Тонко уловил зрелищно-игровой элемент казни Иисуса современный испанский поэт Хосе Хименес Лосано в стихотворении «Сообщение прокуратора»:

...в насмешку

я велел облачить его в багряницу...

Первый раз, Кесарь, я пишу так длинно,

по столь обыденному делу,
добавлю,
весна все еще холодная, скука,
самое время устраивать представления
здешним провинциалам.

Социально-игровое унижение, путем обряжения духовного лица в шутовское одеяние было нередким. Митрополит Киприан, изгнанный Дмитрием Ивановичем с престола, жаловался Сергию Радонежскому в послании от 23 июля 1378 года: «Слуг же моих... отпуская... на клячах разбитых без седел, в одежде из лыка, из города вывели ограбленных и до сорочки, и до штанов, и до подштанников, и шапок не оставили на них».

Предавая публичному осмеянию представителей ереси «жидовствующих» новгородский владыка Геннадий приказал провести их по городу в берестяных колпаках с соломенными венцами, посадив на коней задом наперед.

Необходимо отметить еще одно довольно странное на первый взгляд обстоятельство, связанное с поведением Иисуса. Его действия носят «конспиративный» характер, он тщательно маскирует свою личность. Так, исцелив слепых, он «строго сказал им: смотрите, чтобы никто не узнал» (Мф.9,30). После Преображения Христос запретил четверем сопровождавшим его апостолам рассказывать о том, что они видели: «никому не сказывайте о сем видении, доколе Сын Человеческий не воскреснет из мертвых» (Мф.17,9). Подобное Иисус повторяет не раз. Ряжение, таким образом, помогало ему скрыть свой истинный облик и предназначение. В этом – игровом смысле трактует образ Христа как «одинокого паяца» в своих ранних стихах Константин Вагинов: «Надел Иисус колпак дурацкий».

С одной стороны, сам приказ видевшим чудеса, творимые им, никому об этом не рассказывать имеет комический характер, поскольку, зная людскую природу, Христос прекрасно понимал, что смолчать никто из исцеленных или бывших свидетелями избавления от недугов не сумеет, проявив таким образом одну из слабостей человеческого характера. С другой стороны, применение своеобразной маски, скрывающей истинную природу, связано с определенным **игровым** способом существования. Сокрывший или изменивший свою внешность, подчеркивая этим свою инаковость, являлся носителем нетрадиционных форм поведения. В данном случае маска служит не столько задаче принятия облика другого, сколько позволяет обрести свободу действий, что является необходимым условием пророческой деятельности. При этом Христос предусмотрительно отделял себя от самозванцев, указывая на применение последними приема маскировки: «Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные» (Мф,7,15). К слову, позднее о подобном хамелеонно-игровом перевоплощении, предназначавшемся для сокрытия неверия, пойдет речь в Коране, в частности, в суре «Корова»: «И когда они встречаются тех, которые уверовали, они говорят: «Мы уверовали!». А когда остаются со своими шайтанами, то говорят: «Мы ведь – с вами, мы ведь только издеваемся» (Коран 2,13). О лицемерах, изображающих «мрачные лица, чтобы показаться людям постыющимися» (Мф.6,16), надевающих личину уныния, дабы подчеркнуть приверженность иудаистской традиции, говорит и Христос. Этот фрагмент несколько смазывает тезис о несмеющемся «рави».

Наличие игровой природы у Иисуса несомненно. Тут он предстает верным учеником Иоанна Крестителя, который своим образом жизни, костюмом настолько удачно подражал ветхозаветному Илье, что общественное мнение считало его воскресшим пророком, чего Иоанн, кстати, не отрицал. Иисус, требуя от учеников «стать как дети», задавал тем самым правила игры, предполагавшие абсолютное доверие ему и веры в истинность «предлагаемых обстоятельств». Многие, в том числе близкие ученики, часто затруднялись идентифицировать учителя с его многочисленными масками. Даже Иоанн Креститель не был уверен, что перед ним являлся Иисус и послал двух учеников своих уточнить, действительно ли тот является Мессией (Мф.11,2-3). Большинство же фарисеев видели в Христе очередного самозванца.

В качестве учеников Иисус избирает людей с инстинктивной внутренней природой, склонных к инфантилизму, полагающихся не на опыт, а на внушение. Они представляют тип идеального зрителя, доверчивого и неискушенного, воспринимающего все не разумом, а сердцем. По мысли Тертуллиана, «те, кто немудрен и прост, больше годны для обращения, чем те, кто побывал в школах и библиотеках». Нарушал чистоту картины отличавшийся известной долей скептицизма Фома, однако и он, увидав, - верил. Именно по этому поводу ему сделал замечание учитель: «ты поверил, потому что увидел Меня: блаженны не видевшие и уверовавшие» (Иоанн 20,29).

Когда Христос в Кесарии спросил апостолов, за кого люди его почитают, то в ответ услышал ряд версий: за Иоанна Крестителя, за пророков Илью и Иеремию. После чего последовал довольно странный вопрос: «А вы за кого почитаете Меня?» (Мф.16,15). Таким образом, он допускал, что столь частая смена амплуа и масок могла ввести в заблуждение даже апостолов. Далее разговор носил не менее загадочный характер: услышав верный ответ, Иисус «запретил ученикам Своим, чтобы никому не рассказывали, что Он есть Иисус Христос» (Мф.16,20).

Если принять тезис о божественном характере игры-перевоплощении Иисуса, то обращает на себя внимание, что его внешний облик-маска не содержал ничего, отличавшего его от обычного человека. В амбивалентном (сочетавшем некрасивость и божественность) телесном воплощении Христа отсутствовал даже намек на красоту. Эта деталь образа была необходима для того, чтобы придать характер естественности пыткам, издевательствам и самой казни. «Отважился ли бы кто-нибудь,- вопрошал Тертуллиан,- коснуться в высшей степени необыкновенного тела,.. если бы оно не заслуживало этого?» Таким образом, внешность, предполагавшая возможность поругания и насмешек, становилась необходимой для придания правдоподобия игровой ситуации, моделируемой Христом. В этом содержалась насмешка Иисуса над одураченной не только Синедрионом, но и им самим толпой. Подобному приему сочетания духовной возвышенности и эпатазирующе-отталкивающего облика в одежде, внешности и поведении прибегали юродствующие, высмеивающие непосвященную неправедность и понятные лишь избранным, способным опредметить зрелищную символику их публичных «моноспектаклей» Интересно, что после Воскрешения по преданию к Иисусу возвратилась внешняя красота. Особенностью этой красоты являлось то, что она не поддавалась языковому описанию, однако воздействие ее было настолько сильным, что по свидетельству византийского мистика 15 столетия Николая Кавасилы, даже лицедеи-комедианты, пораженные божественной внешностью Христа, превращались в апологетов его учения.

Интерпретация земных деяний Христа как устроенного им театрального спектакля характерна для представителей католического направления – либертинов. Иисус для них – персонаж устроенной им же театральной мистерии. Либертины представляли «учителя христианства» насмешником и хитрецом, который посредством евангельских логий-речей пытался научить людей скрывать свои истинные намерения и мысли. Либертины различали в Иисусе божественный дух и изменчивое театрально-зрелищное поведение, помогавшее ему адаптироваться в конкретной жизненной ситуации, в которую он попадал, а также способствующее сокрытию истинного смысла своих высказываний.

Вернемся, однако, к проблеме, поставленной в самом начале. Несомненно, Иисус в человеческом воплощении вольно или невольно попадал в комические ситуации. Ну, а смеялся ли он сам?

Исходя из того, что «учитель христианства» следовал тому, что составляло содержание его логий, ответ должен быть утвердительным. Иначе как, например, трактовать его призыв «радуйтесь и веселитесь» (Мф.5,12) или уже приводившееся «не будьте унылы». Предполагает веселое расположение духа и ограничение поста, которое в противовес фарисеям предложил своим ученикам Иисус. Показательно, что упрек в невыполнении буквы закона он отразил следующей фразой: «... могут ли печалиться сыны чертога брачного, покуда с ними жених?» (Мф.9,15).

Трудно вообразить себе неулыбающегося Христа во время свадьбы в Кане Галилейской, особенно в эпизоде превращения воды в вино, невозможно представить

хмурого, исключившего для себя даже возможность засмеяться Иисуса, разделяющего трапезу с учениками. Учитывая, что в силу традиции последняя не была безалкогольной, еще сложнее вообразить царящую там полную серьезность (последняя не исключала серьезных бесед с апостолами). «Пришел Сын Человеческий, ест и пьет, и говорите: вот человек, который любит есть и пить вино, друг мытарям и грешникам» (Лк.3,74). Пить вино без шуток и веселья свойственно лишь алкоголикам да еще на поминках, поэтому уместно предположить, что исторический Иисус не был чужд смеху, игре, уже хотя бы потому, что ничто человеческое не было ему чуждо. Он вполне соответствовал мысли Екклесиаста о том, что нет «ничего лучшего, как веселиться и делать доброе в жизни своей» (Еккл. 3,12). В апокрифе – «Евангелии от Филиппа», сохранившемся в кодексе Наг-Хаммади (открыт в 1945 г.), Христос призывал не бояться проявлений плоти, к которым относятся и веселье, смех, игра. Ортега-и-Гассет заметил в своем труде «Дегуманизация искусства»? «Стремление к игре, фикции (мы отмечаем это и у Христа – А.Б.)... может, очевидно возникнуть только в веселом расположении духа».

P.S. Автор отдает себе отчет, что некоторым его трактовка образа «учителя христианства» может показаться чересчур вольной, а ряду читателей – даже кощунственной. И тех, и других отсылаю к словам христианина Федора Достоевского, которые предпосланы данному эссе.